

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	
<i>Две стороны одной работы: "рассуждения о методе" и конкретно-историческое исследование. Почему именно нотариальные акты?- Источник и композиция</i>	11
Глава ПЕРВАЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ.	
<u>§ 1. Социальная история Франции и ее судьбы во второй половине XX века.</u>	12
<i>Критерии отбора трудов. Два предварительных замечания.</i>	
А. Социально--структурная история (1950-начало 1970-х годов).	15
<i>- Социальная история как особая субдисциплина.- Программа Э.Лабрусса.-Эпоха локальных монографий.-Количественная социальная история Нотариальные акты как привилегированный тип источника Роллан Мунье и его концепции Классы или сословия Споры в Сен-Клу.- Несобытийная история.- Были ли Б.Ф.Поришев и А.Д.Люблинская социальными историками Социальная история в узком смысле слова.- Тяга к эмпирически осязаемой, "подлинной" социальной иерархии Умерла ли социально-структурная история?</i>	
Б. "Новая историческая наука", "история в осколках" , новые "вызовы" и "повороты" (70 ые-начало 90-х г.)	31
<i>"Новая историческая работа и социальная история".- Когда началась "новая историческая наука"? - Судьбы ментальностей.- Казус Райцеса.- Социальная история в новых условиях.- Тариф капитализации как синтетическая социальная иерархия. - "Французские джентри" Джорджа Хапперта.- "Разочарованные интеллектуалы Микроистория по-итальянски.</i>	
В. В поисках "новой парадигмы" (90-ые г.)	56
<i>От «истории в осколках» к «возвращению субъекта».Примеры обновления : история дворянства, «Культурная история». «история жизненных стилей».- контуры рождающегося направления идеал и реальность. «Искать решение проблем или указывать на трудности их решения?» Угроза «депопуляции».Консерватизм сообщества историков как повод для сдержанного оптимизма</i>	
	66
<u>§2. Обзор источников.</u>	115
А. Основные источники.	
<i>Общая характеристика нотариальных актов.- достоинства и недостатки массовых источников.- Регистры инсинуаций Шатле: оригиналы и опубликованные инвентари. - Особенности поисков в Центральном хранилище нотариальных минут.- Публикации нотариальных актов и их описей.- Пособия по нотариату.</i>	
Б. Дополнительные источники.	133
<i>Расширяя круг поисков: фонды суверенных курий.- Регистры Парламента. - Документы Монетной курии.- Каталоги королевских актов и иные памятники законодательства и административного права. - Нарративные источники</i>	
Глава ВТОРАЯ.	
<i>ОБЩЕСТВО. ОБЪЕКТИВИРУЮЩИЙ ПОДХОД. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ПУБЛИКАЦИИ.</i>	141

Раздел ПЕРВЫЙ.	
ГЕНЕРАЛЬНАЯ СОВОКУПНОСТЬ И УНИВЕРСИТЕТСКАЯ МОДЕЛЬ. АНАЛИЗ НА «МАКРОСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ».	
<u>§1. Генеральная совокупность и университетская модель.</u>	
<i>План изложения: преимущества регистров нотариальных актов и выгоды университетских дарений. План исследования: от социальной истории университета к университетской истории социального. Размышления о репрезентативности выборки.</i>	
<u>§2. Анализ на «макросоциальном уровне».</u>	152
<i>Принципы агрегирования групп дарителей Распределение объективных признаков</i>	

«Валовые показатели» и «индексы престижности».

Раздел ВТОРОЙ

КАТЕГОРИИ ДАРИТЕЛЕЙ

§1. Категории 1 и 2. дворяне и сеньоры.

185
- Кто входил в категорию "дворян". - Социальные связи. - Дворяне как рантье и кредиторы. - Побудительные мотивы дарений. – Обладала ли спецификой вторая категория? - Социальное лидерство и симптомы возможного неблагополучия.

§2. Категория 3. священники.

191
Специфика группы, ее внутренняя иерархия и принципы агрегирования. - Провинциалы: "низшие" и "высшие".- Семья нотаблей из Санлиса.- Церковные доходы как объекты дарения.-Парижане.- Казус каноника Муассана.- Двойственный облик "низшего" парижского духовенства

§3. Категория 4. "люди знания" : чиновники и судейские.

197
Предварительные рассуждения о принципах агрегирования групп

А. парижане

198
Университетская степень как социальный водораздел.

- Офисье. - Адвокаты; Шарль Гюедон, адвокат-откупщик – Нотариусы. – Прокуроры парламента; Загадка Жанны Алегран. – Прокуроры Шатле.- Стряпчие; Жан Месмен и его земляки. – Сержанты Шатле; заключенный Пуссепен. - Иерархия Килье.- Вспомогательный персонал. - Лиценциаты. - Финансовые и городские чиновники.

Б. провинциалы.

222
Офисье. – Финансовые чиновники Адвокаты и лиценциаты. -Прокуроры и нотариусы. - Практики. - Сержанты, почтмейстеры и прочие.

Итоги анализа дарений чиновников

§4. горожане: буржуа, торговцы, ремесленники: категории 5,6,7.

А. парижане

Категория 5а. "парижские буржуа"

236
О термине "парижский буржуа".- "Просто "буржуа", или буржуа-рантье. - Шесть

корпораций, их внутренняя иерархия.- "Купцы-буржуа», - Специализированные купцы-буржуа".- Буржуа-ремесленники; четыре поколения Роберов

Категория 6а. "парижские торговцы" , не назвавшие себя "буржуа".

249
Терминологическая случайность, или объективная реальность?- Адрес как социальный индикатор.- Казус книгопродавца Пассе. -
Скорее лавочники, чем негоцианты.

Категория 7а . парижские ремесленники

253
Мэтры и прочие.- Нарастание индексов приниженности.- Счета за поставки.- Пекари из предместий.- Дом близ сточной канавы

Б. провинциалы	258
<i>Географический ареал</i>	
категория 5 б. провинциальные буржуа.	260
<i>Респектабельные дарители .- Щедрый Антуан Куртуаэ.- Лесной заказник с изгородью из боярышника. - Яблони сорта «Бонди».</i>	
категория 6 б. провинциальные купцы.	261
<i>Престижные родственники и богатые дарения. - Лошадь под муаровой попоной Пьера Клемана. - Дело о ереси. - Скорее негоцианты, чем лавочники</i>	
Категория 7 б. провинциальные ремесленники.	268
<i>Нарастание «признаков приниженности».- Появление специфически «сельских» признаков.</i>	
<u>§5. Категория 8. Крестьяне</u>	270
<i>Черты гипергамии.- Из крестьян в гуманисты.- Загадка клана Ланселенов.- Ренты, кредиты и оловянная посуда.- Сакральность знания.- Ожидание любезных услуг.- Локализация дарителей.- Влияние большого города.</i>	
<u>§6. Низшие слои. Дарители, чей статус не установлен. Категории 9-10</u>	280
<i>Подмастерья. - Парижские поденщики и слуги. - Провинциалы. - Низшие, как ни странно, беднее прочих. - Незнакомцы как контрольная группа. - Жители приходов и цензив. - «Детегант».-Парижанки.- Те, о ком неизвестно ничего.</i>	
Предварительные выводы.	291
<i>Какое общество мы получили, или стоит ли бояться трюизмов?- Размышления об «университетской модели» французского общества. - Три группы вопросов на будущее.</i>	
Раздел ТРЕТИЙ: КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАМЕРЫ.	297
<u>§1. Брачные контракты.</u>	
<i>Методика работы и соотнесение с предыдущими данными.- Дворяне и сеньоры: два типа поведения. Судейские и чиновники – эндогамия, гипергамия и «женихи на вырост». – Буржуа: невест больше, чем женихов.- Отличаются ли торговцы от буржуа на сей раз?- Замкнутый мир ремесленников. – Крестьянские контракты.- Подмастерья, поденщики и служанки. – Подведение итогов.- Странная регулярность</i>	
<u>§2. Фактор времени: Распределение актов по томам регистров Шатле за 20лет.</u>	326
<i>Ритмы регистраций: нарастание, «кризисное пятилетие», восстановление .- Брачные контракты и университетские дарения : crescendo и diminuendo.- Проверка завещаниями.- Загадка трех кривых.</i>	
<u>§3. Еще одна проверка: другие источники и другие времена.</u>	336
<i>Регистры Шатле и нотариальные минуты: существенное расхождение. – Ритмы регистраций после 1559: кривая идет вниз. – Законодательство вносит ясность. – Все - жулики, или репрезентативность под вопросом.- Необходимость нового ракурса.</i>	
Глава ТРЕТЬЯ . ПРАКТИКА. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО СЕРИЯМ РЕГИСТРОВ И НОТАРИАЛЬНЫМ МИНУТАМ.	345
<i>Сквозь практику к человеку</i>	
<u>§ 1. Как составлялся нотариальный акт в Париже XVI века.</u>	347
<i>выбор нотариуса.- работа над текстом акта.- откуда брались формуляры.- оплата</i>	

услуг нотариуса.- подтверждение прав участников сделки.- -пример университетских дарений.- регистрация документа в Шатле.- волеизъявление дарителя, принуждение формы или диктат нотариуса?	371
§ 2. Формулы университетских дарений.	
<i>Расплата за ошибки .- Свод мотиваций университетских дарений.- Вновь о парижских нотариусах.- «Личное клеймо».- Стереотипы и их элементы.- Формулировки провинциальных актов, их характерные черты.- Три концепции университетского образования.- Экскурс в историю университетов.- Обнадеживающие итоги.</i>	
Приложение	393
§3 "Будучи стар и слаб" : акты пожилых и немощных людей.	408
<i>Причины выбора: ни слишком много, ни слишком мало. – старость глазами историков.- казус Жана Окока.- две группы актов.- описание состояния дарителей, их мотивации.- круг доверенных лиц.- идеальный уход: вино, белый хлеб и «карманные деньги».- помин души.- Кристоф Креспин и Мартын Харлов.- забывчивость престарелого теолога.- штампы уместные и неуместные.- Общественный идеал, социальные нюансы и индивидуальные особенности.</i>	
Краткие итоги реконструкций на основе нотариальной практики.	448
<i>Двустороннее творчество. – индивидуальность через стереотипы.- о пользе исключений.</i>	
Глава ЧЕТВЕРТАЯ. ЛЮДИ И КАЗУСЫ. МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	450
<i>Еще раз о микроистории. - Казусный подход.- Проблема "плотного описания" или в погоне за "полнотой жизни".- Казус сержанта Филона</i>	
§ 1. Три дарения по причине старости	456
А. Забывчивый Жан Локуэ	
<i>Самодельный акт.- Пасха в июне.- забытые 800 ливров.- Коллегия Монтегю: покинутая Альма матер и судебные тяжбы теолога.- каменщик, кровельщик и студенты.- под опекой убогого.- первое наблюдение: стиль акта и жизненный стиль</i>	
Б. Грозный Николь Леклерк	465
<i>Теолог, его друзья и его враги.- "Гуманное обращение" одних и "величайшие несправедливости других".- Фамильное расследование.- Образ, создаваемый в актах и реальности университетской жизни.- Декан, не прощавший обид.- Реформация, Контрреформация и семейные проблемы.</i>	
В. Многоликий Пьер Галланд	475
<i>Карьера гуманиста.- Круг общения: ученые и администраторы.- показатели успеха.- Три затруднительных ситуации: ректор против Сорбонны и против Рамуса, баталии на Пре-о-Клек.- Пикардийский патриотизм.- Меняющиеся идентичности Галланда.- новые профиты.- Человек- это стиль</i>	
§ 2. Завещание, раздел имущества, ревокация.	490
А. Образцовый Тьерри Дюмонт	
<i>Некоторые странности олографического завещания: отсутствие благочестивых формул.- Любовь к «Синим детям».- Любовь к родной усадьбе.- Фонтаны и мостовые.- протестант или бюрократ?</i>	
Б. Предусмотрительный Жан Пилер	498
<i>«Раздельный акт» 1539 г. и его уточнение 1548 г. - Дети от двух браков и «проектное мышление». - Еще одно «олографическое» завещание.- собственные похороны: простота и скромность.- благотворительность на практике: вдовий дом и его насельницы.- раздача бедным как пугало для наследников.- Отношения с детьми: подстраховка на случай неблагоприятного исхода событий.- Особый стиль нотариального поведения.- Урожай «профитов»- откуда берется оригинальность в</i>	

нотариальном акте?

В. Злосчастный Филипп Кавелье

516

Горячая благодарность другу.- Дело о фальшивой монете: сеньор против буржуа.- Комиссия Кеснеля и Бульта.- Первая попытка отвода судей и ее провал (осень 1547).- Новые надежды на короля (весна 1548).- Успех комиссаров: дело возвращено (лето 1548).- Еще один отвод и еще один провал (зима 1549).- Новая апелляция и этапирование в Париж (1550-1551).- Рождение монетной курии (1552).- Частичный успех и подготовка к новым тяжбам.- Судьба Кавелье и судьба королевства.

Г. Прославленный Шарль Дюмулен

533

*Две ревокации с разницей в один год.- На службе общественному благу.- Женитьба ученого.- Неблагодарный брат.- Закон *si inquit* или закон *si totas*?-Римское право против кутюмы.- Казус, вошедший в учебники.-Апогей славы.- Судьба спорной сеньории.- Неожиданная развязка.- Дюмулен и Большая история: взаимное влияние.*

§ 3. Два университетских дарения

551

А. Благочестивый Жан Бриссоне.

Президент среди крестьян.- демарш 1525 г. в поисках виновных в пленении короля.- против еретиков и сквернословов.- Любовь к «Красным детям».- Идея Чистилища и жанр портрета.

Б. Непреклонный Рауль Спифам

561

«Извлекать пользу из занятий».- Алая мантия на черном фоне.- Рауль Спифам, его враги и друзья.- Адвокат против Парламента.- «помутнение разума и чувств».- «Самиздат» как оружие.-Тайна автора «Дикаерхии»: помешанный, ясновидец или аналитик?- Королевские указы и документальные приложения. - Судебная стратегия и тактика Рауля.- Рыцарь общественного блага.- Дела личные и дела королевские.- Успех тактический или стратегический. - Кто победил?

Краткие итоги анализа казусов.

595

Еще раз об условиях эксперимента. – Диагностика странностей.- чем достигался эффект инновации?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

599

Список использованных источников

609

Использованная литература

618

ВВЕДЕНИЕ

Две стороны одной работы: “рассуждения о методе” и конкретно-историческое исследование.— Почему именно нотариальные акты? — Источник и композиция.

Современные работы по эпистемологии исторического знания научили нас с уважением относиться к метафорам, которыми пользуется исследователь. Один историк уподобляет изучаемое общество конструкции из кубиков или блоков, другой настаивает на метафорах электричества, токов проводов и зарядов, третий сравнивает историю с морем, в котором есть пена событий и глубинные течения “истории большой длительности”. Для того чтобы дать представление о характере предлагаемой работы, можно также подобрать свою метафору. Автора когда-то впечатлил плащ, пошитый на фабрике “Большевичка” — он был двусторонний, его можно было носить как с лица, так и с изнанки, и никто не мог сказать, какая именно сторона является подкладкой. Данное исследование должно походить на этот плащ: две его стороны, две отправные посылки и главные цели не просто дополняют друг друга, но вполне равноправны. Одна сторона или один план посвящены, собственно, социальной истории Франции XVI века. Другой план несет на себе отпечаток постоянных “рассуждений о методе”. И трудно сказать, где изнанка, а где лицо.

“Социальная история умерла”. Эту фразу в последнее время приходится слышать достаточно часто. У тех, кто ее произносит, есть определенные основания так говорить. Та социальная история, которая претендовала в 60-ые годы на роль стержня всего исторического знания, находит теперь не так уж и много приверженцев. Целый ряд “вызовов” увел исследовательские симпатии в иные сферы. О том, как и почему сложилась такая ситуация, и о том, какова природа этих “вызовов” написано немало работ, в том числе и на русском языке. В одних социальной истории выносится беспощадный приговор, в других по поводу перспектив ее выживания выражается определенный оптимизм. Но есть у всех этих работ одно качество — они в основном написаны “извне”: либо профессиональными знатоками историографии и методологии истории, либо историками, некогда практиковавшими на ниве эмпирических исследований, но затем с головой ушедшими в распутывание хитросплетений когнитивных наук, в

бездны эпистемологии. В любом случае рассуждения, порой в высшей степени интересные и познавательные, о природе исторического знания, о судьбах того или иного исторического направления, слишком быстро и слишком далеко отрываются от серых будней работы с конкретным эмпирическим материалом. Конечно, рефлексия по поводу особенностей работы историка вполне естественна и закономерна, она, как всякое самопознание, чрезвычайно привлекательна для всякого исследователя и весьма востребована обществом. Но определенная опасность состоит в том, что раз вступив на этот путь, историки зачастую уже не возвращаются назад, к практике. Это явление англоязычная публика назвала бы “one way ticket”, а тюркоязычная — “барса-кельмес”. И дело, надеюсь, не только в видимых выгодах, сулимых на пути эпистемологических или историографических исследований, но и в “эффекте сороконожки”. Раз задумавшись над механизмами и правилами чужого, а тем более, своего, творчества, историк перестает работать с источником подобно сороконожке, парализованной вопросом о том, что делает ее тридцать восьмая нога, в тот момент, когда она шагает своей двенадцатой парой лап. Все это вполне оправдано, закономерно и вызывает уважение. Но вот только уводит размышления от эмпирической реальности источника все дальше и дальше. Не потому ли в нашей стране, да и не только в ней, все меньше и меньше становится “практикующих” историков и все больше историографов, методологов и эпистемологов? Но если перспектива того, что число людей, изучающих историков, может значительно превысить число людей, изучающих историю, характерна лишь для некоторых областей исторического знания, то разрыв между историками-практиками и “эпистемологизирующими” историками представляется делом вполне реальным. Вторые образуют свою субкультуру, свой язык и свою ценностную иерархию, и, занятые интенсивной полемикой друг с другом, не замечают того, что первые их в лучшем случае перестали понимать, а в худшем — понимать не желают. Причем оба семейства, похоже, вполне довольны такой ситуацией. Возможно, это дань времени, но в таком случае, многократно и справедливо раскритикованная социальная история 60-х или “Новая социальная история” в этом смысле выгодно отличались от нашего времени: в ту пору историки наивно пытались совместить в своей работе “рассуждения о методе” с практическим применением этих методов.

Итак, одна из задач данной работы заключается в том, чтобы говорить о проблемах социальной истории и о стоящих перед ней “вызовах”, не изменяя жанру конкретно-исторического исследования. С этой целью “строительные леса”, возводимые при работе над источником, по возможности будут оставаться неразобранными: хотелось бы показать те реальные трудности, с которыми сталкивается историк, исследующий тот или иной сегмент социальной жизни. И пусть придется “наступать на грабли”, повторяя путь, проделанный несколькими поколениями представителей социальной истории; и пусть наши гипотезы и заключения могут показаться трюизмом, важно, что проблемы эти не почерпнуты из историографических работ и не выведены умозрительно, а вполне реальны и порождены непосредственным опытом эмпирического исследования.

Реконструкция социальных структур и отношений для одного из этапов жизни общества эпохи Старого порядка — это классический сюжет для французской историографии 50-60-х годов, которая, в свою очередь, была в ту пору “классической” национальной школой социальной истории. Произвести этот опыт реконструкции мы попытаемся на основании источника, ставшего опять-таки классическим для социальной истории: на основании нотариальных актов. Вряд ли на этой прекрасно обработанной ниве нас ждут какие-нибудь открытия революционного значения. Но, возможно, в результате этого своеобразного эксперимента над собой мы сможем “изнутри” лучше определить причины и масштабы пресловутого “кризиса” социальной истории, понять направление эволюции этой дисциплины, определить ее перспективы.

Другая сторона и другая цель данной работы лежит уже исключительно в плоскости истории XVI века. Одно лишь то, что избранный нами источник фиксирует “стоп-кадр” - Франция последнего мирного периода накануне Религиозных войн, придает исследованию специфическое звучание. Мы попытаемся “взять” французское общество в, пожалуй, максимально интересный и драматичный период: время успехов монархии, названной позднее абсолютной, время расцвета гуманизма, начала Реформации и зарождения Контрреформации, время вызревания конфликтов, ввергнувших страну в разрушительный полувековой кризис, ставший наиболее тяжелым испытанием французской монархии вплоть до самой французской революции 1789 г. Даже если и не считать,

что политические процессы и события, а также явления религиозной и культурной жизни имеют социальную подоплеку, все равно устройство французского общества этого периода не может не вызывать живейшего интереса. Как структурировалось это общество, насколько выраженной и жесткой была в нем социальная иерархия, на основе каких признаков можно выделять социальные группы и в каких отношениях они находились между собой, как осуществлялась социальная динамика, какова была степень свободы индивида, как жил человек накануне Религиозных войн, что он говорил и чувствовал, какова была мотивация его поступков, и, наконец, — как можно искать ответы на эти вопросы на основании нотариальных актов? Все это представляется достаточно важным, чтобы стать темой исследования. Конечно, заранее ясно, что цель эта недостижима, как недостижима сама объективная истина, и что осуществленная в результате реконструкция будет лишь весьма специфичной моделью общества, “авторским вариантом” его видения. И все же движение в этом направлении представляется небесполезным и, остается надеяться, небезынтесным.

Соединяя оба плана предлагаемого исследования, необходимо сказать несколько слов о его структуре и выборе источника. Как следует из подзаголовка работы, она написана на основе нотариальных актов. Если быть точным, то главным источником являются те из них, которые были зарегистрированы в Парижском Шатле с 1539 по 1559 гг. Обосновывать правомерность подобного выбора нам придется еще неоднократно по ходу исследования. Сейчас же надо затронуть достаточно щекотливый вопрос. Опора на один источник, сколь богатым бы он ни казался, не может не вызвать возражений: ведь серьезные работы в жанре социальной истории давно уже предполагают комплексный анализ самых разнообразных видов источников, с целью создать “плотное описание” сети социальных связей индивида или какой-либо общности. Зачем же так обеднять исследование?

Ответить на этот вполне справедливый упрек можно следующим образом.

Во-первых, историко-социальное исследование порой бывает основано на использовании не только одного типа, но и попросту одного источника. Правда,

источника чрезвычайно богатого. Книги Э. Ле Руа Ладюри¹ остаются в этом смысле труднодостижимыми образцами для подражания, но подобные “моно-источниковые” исследования встречаются не так уж и редко². Тем более интересен этот опыт в нашей стране, где работа историка на ниве социальной истории всегда была, и, в какой-то мере, и поныне остается ограниченной по своим возможностям вести многоплановые архивные изыскания.

Во-вторых, по мере необходимости и по мере возможности дополнительные источники, конечно же, привлекаться будут — и нотариальные документы, почерпнутые непосредственно из Центрального хранилища нотариальных актов, и юридические трактаты, и нарративные источники, о чем подробнее пойдет речь в разделе, посвященном обзору источников.

В-третьих, концентрация внимания на нотариальных источниках имеет прямую связь с тем, что исследование в какой-то мере замышляется как “римейк” старой/“новой” социальной истории. Ведь, как с полным знанием дела отмечает Н. Е. Копосов в своей книге, написанной на материале французской социальной истории, — “нотариальные документы — излюбленный источник социальной истории 1960-х гг. Не будет преувеличением сказать, что если бы не архивы нотариусов, не было бы и спора о классах и сословиях. Ведь задача социальной истории состояла именно в том, чтобы сконструировать модель общества Старого Порядка на основе нотариальных документов”³.

Когда-то в период апогея позитивистского оптимизма, было постулировано, что “история пишется по документам... Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории”⁴. С тех пор историки и историософы тем и занимались, что оспаривали это максимум как явное упрощение. Выяснилось, что помимо историка и

---

¹ *Le Roy Ladurie E. Carnaval des Romains: De la Chandeleur au mercredi des Cendres (1579–1589). Paris, 1979* (в русском переводе: *Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня. Екатеринбург, 2001*).

² *Davis N. Zemon. The fictions in archives: Pardon and their tellers in sixteenth-century France. Stanford, 1987.*

³ *Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001. С. 71–72.*

⁴ *Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб, 1898.*

источника в таинстве рождения исторического сочинения присутствуют еще многие стороны: — социальный заказ, груз историографических традиций и мифов, институциональные рамки историописания, дисциплинарные режимы, лингвистическое принуждение, дискурсивные практики и правила конструирования нарративов, психо-физиологические рамки человеческого мышления и еще многое другое.

И все же, если от остальных элементов можно хотя бы на время абстрагироваться, то два из них представляются абсолютно необходимыми: историк с одной стороны и источник — с другой. И хотя в последнее время в связи с “возвратом к субъекту” источник как-то все чаще также элиминируется из книг, выставленных в отделе “История”, мы все же по старинке воздержимся от того, чтобы считать эти работы историческими.

Поэтому возвращаясь к некоей изначальной точке социальной истории, чтобы проделать в порядке “эксперимента над собой” путь, пройденный ею за последние десятилетия XX века, для большей наглядности нам понадобится относительно однородный источник. Этим источником являются для нас парижские нотариальные акты XVI в. определенного типа, точнее — определенных типов.

Каждая из глав будет соответствовать и особой модификации нотариального источника: в одной из них мы будем работать с публикацией актов, зарегистрированных в книгах парижского суда, в другой - с оригиналами этих актов и с их нотариальными минутами, в третьей с нотариальными минутами и с иными источниками личного происхождения. Но по мере возможности мы будем пытаться в каждой из глав следовать определенной методологии, или, во всяком случае, выбирать в каждом случае особый ракурс, особый стиль рассмотрения проблемы. Издержки этой композиции очевидны — подобное расчленение сюжета может показаться нарочитым и даже несколько редуccionистским. И все же риск в данном случае оправдывается вышеназванным стремлением с возможно большей наглядностью показать плюсы и минусы различных подходов к социальной истории.